ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Прохорова Ирина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы и журналистики, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: pro-hor-ie@mail.ru

Коробова Александра Константиновна, студентка I курса магистратуры, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: ms.aaaalexa@yandex.ru

В. Л. ПУШКИН В «ВЕСТНИКЕ ЕВРОПЫ» В НАЧАЛЕ 1810-Х ГГ. И ЕГО БРОШЮРА «О КАРУСЕЛЯХ»

В статье рассматриваются отношения активного сторонника карамзинской «партии» В. Л. Пушкина и редакции журнала «Вестник Европы» в 1810–1811 гг., что позволяет уточнить расклад сил в литературно-журнальной борьбе того времени. Обосновывается предположение, что прекращение участия В. Л. Пушкина в «Вестнике Европы» (до его перехода к карамзинисту В. В. Измайлову в 1814 г.) объясняется не столько отклонением В. А. Жуковским и М. Т. Каченовским – соредакторами журнала в 1810 г. – его антишишковистского послания «К В. А. Жуковскому» («Скажи, любезный друг...»), сколько язвительной критикой Каченовским пушкинской брошюры «О каруселях» за дилетантскую мифологизацию истории и за «партийную» ангажированность при презентации «карусельной» оды В. П. Петрова.

***Ключевые слова**: В. Л. Пушкин, «Вестник Европы», В. А. Жуковский, М. Т. Каченовский, антишишковистское послание «К В. А. Жуковскому» (1810), информационно-рекламная брошюра «О каруселях».*

Irina E. Prokhorova, PhD in Philology, Associate Professor at the Chair of History of Russian Literature and Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: pro-hor-ie@mail.ru

Aleksandra K. Korobova, first year student of Master's degree, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: ms.aaaalexa@yandex.ru

V. L. PUSHKIN IN THE VESTNIK EVROPY JOURNAL IN THE EARLY 1810S AND HIS BOOKLET "ABOUT CAROUSELS"

The article considers the relationship between an active adherent of the Karamzin "party" V. L. Pushkin and editors of the Vestnik Evropy journal in 1810–1811. The authors' aim is to clarify the strategies of different participants in the literary struggle of that time and to describe the new challenges for them.

Pushkin's booklet "About Carousels" is analyzed for the first time in connection with its function of "PR support" for the 1811 Moscow carousel and also two reviews of this booklet by M. T. Kachenovsky. It is claimed that not so much the consensus rejection of Pushkin's anti-Shishkovist epistle "To V. A. Zhukovsky" by the co-editors of the journal in 1810 Zhukovsky and Kachenovsky, but just Kachenovsky's criticism of Pushkin's booklet for the amateurish mythologization of history and the "party" bias in the presentation of V. P. Petrov's "carousel" ode determined the termination of Pushkin's participation in Vestnik Evropy until 1814, when V. V. Izmailov, the follower of Karamzin, became editor of the journal.

***Key words**: V. L. Pushkin, Vestnik Evropy, V. A. Zhukovsky, M. T. Kachenovsky, anti-Shishkovist epistle "To V. A. Zhukovsky" (1810), information and advertising booklet "About Carousels".*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2023.6683

Введение

История сотрудничества В. Л. Пушкина в созданном Н. М. Карамзиным в 1802 г. в Москве «Вестнике Европы» продолжалась почти полтора десятка лет и отражала повороты в развитии журнала, который и после ухода Карамзина из журналистики стремился сохранять статус влиятельнейшего издания вплоть до прекращения выхода в 1830 г. Сотрудничество В. Л. Пушкина с журналом прекратилось еще в 1817 г. (последняя публикация – «Надпись к портрету В. А. Ж<уковского>»[1]). Тогда солидная группа вкладчиков покинула журнал из-за возрастающих разногласий между карамзинистами и – шире – карамзинской партией и М. Т. Каченовским, с 1815 г. единовластно и уже бессменно руководившим изданием (см. об этом «исходе»: Зыкова, 1998: 89).

Развитие многолетних взаимоотношений В. Л. Пушкина и «Вестника Европы» еще не становилось предметом специального исследования историков русской литературы и журналистики. Вместе с тем оно необходимо и возможно благодаря работам ученых, много сделавших для изучения как творческой биографии Пушкина, так и истории «Вестника Европы». Среди важнейших – публикации М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана (1971), Н. И. Михайловой (1983, 2012) и С. И. Панова (2005, 2007). Научная литература, посвященная «Вестнику Европы» (1802–1830), его редакторам и их стратегиям, ожидаемо более обширна. В свете обозначенной нами темы особенно значимы исследования В. Э. Вацуро (1989), Г. В. Зыковой (1998), Ю. В. Евдошенко (2001),

М. Б. Велижева (2004) и В. С. Киселева (2012). В фокусе представляемой статьи – взаимоотношения В. Л. Пушкина и «Вестника Европы» в 1810–1811 гг., на которые пришелся расцвет творчества писателя и пик полемической, получившей откровенно публицистическую тональность деятельности его как рупора карамзинской «партии». Этот период стал переломным для участия Пушкина в «Вестнике Европы», при том что В. А. Жуковский – «лицо» карамзинской «партии» – до начала 1811 г. сохранял статус соредактора Каченовского, несмотря на обострение их разногласий по вопросам ведения журнала с сентября 1810 г. (см. переписку соредакторов: Иезуитова, 1981).

Начало напряженнности в отношениях автора и редакции (1810)

Всего в «Вестнике Европы» за 1802–1817 гг. выявлена 41 публикация В. Л. Пушкина, однако в номерах за 1804, 1811–1813 и 1816 гг. его произведений (даже перепечаток из других изданий) не обнаружено, (при том что 1811 г. в отличие, скажем, от 1804 г. был для автора весьма плодотворен. Напряженность в отношениях Пушкина с «Вестником Европы» обозначилась ранее: в конце лета – начале осени 1810 г. программное, направленное против А. С. Шишкова и шишковистов пушкинское послание к «К В. А. Жуковскому» («Скажи, любезный друг...») соредакторы общим решением не приняли к печати. 12 сентября 1810 г. В. А. Жуковский писал А. И. Тургеневу, который ждал публикации в московском журнале важного для всей карамзинской «партии» произведения, распространявшегося в списках в обеих столицах: «Впрочем, поместить их (стихи. – *И.П., А.К.*) более не хотел Каченовский, не желая заводить ссоры, с чем и я согласен»[2]. Адресат послания счел его заключающим в себе «одну только брань, которая есть бесполезная вещь в литературе», тем более для борьбы с «умным раскольником» Шишковым нужен был иной полемический язык[3].

Настойчивость Каченовского в отклонении стихотворения Пушкина с запрещенными в журналистике «личностями» при осмеянии шишковистов, названных «собором безграмотных славян»[4], не понимающих ценности общеевропейского просвещения, можно объяснить несколькими моментами. Во-первых, это несогласие с резкостью полемиста в отношении литературных, лингвистических и общих идеологических позиций Шишкова и его

сторонников, поскольку сам Каченовский оценивал их тогда не так однозначно[5]. Во-вторых, это прагматичное нежелание редактора, возвращающего себе «Вестник Европы», рисковать изданием из-за острой публикации литератора из близкого окружения И. И. Дмитриева. Дело в том, что весной 1806 г. разразился скандал, когда карамзинисты увидели в недостаточно благожелательной и отнюдь не избегавшей «личностей» рецензии Каченовского на третий том «Сочинений и переводов» Дмитриева покушение не просто на репутацию признанного писателя-карамзиниста, но шире – на социокультурные каноны «дворянской» литературы (см. об этом: Вацуро, 1989: 175–176; Велижев, 2004: 10–17). Да и сам Пушкин, с его имиджем представителя «легкой» поэзии, аматера в литературе и московского дворянина-щеголя в быту, явно не импонировал Каченовскому как журналисту-ученому, дельному профессионалу, выходцу из греков-разночинцев провинциального Харькова.

Отвергнутое московским «Вестником Европы» послание Пушкина увидело свет уже в марте 1811 г. в Петербурге (когда здесь начинала свои заседания шишковистская «Беседа любителей русского слова») в задержавшемся декабрьском номере ежемесячника Вольного общества любителей словесности, наук и художеств «Цветник» за 1810 г.[6] В нем пушкинское задорное сочинение составило яркий ансамбль с завершающей частью вдумчивого критического разбора шишковского «Перевода двух статей из Лагарпа», написанного еще одним боевитым представителем карамзинской «партии» – Д. В. Дашковым.

Сразу после этого Жуковский, оставшийся с начала 1811 г. лишь «посторонним сотрудником» «Вестника Европы» (Иезуитова, 1981: 93), включил произведение Пушкина в готовившееся им в Москве «Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских из многих русских журналов»[7]. Правда в сообщении об этом А. И. Тургеневу 27 марта 1811 г. он поделился и опасениями, что сатирическое послание «о Славянофилах» может «вооружить» против него петербургскую «ватагу скрибентов»[8]. Так Жуковский смягчил впечатление от «соучастия» в недавнем решении «Вестника Европы», хотя сам Пушкин, судя по известной нам переписке, не высказывал упреков никому из соредакторов. Заметим, кстати, что «перепечатка» в «Собрании...» имела свои плюсы, придавая публикации статус «отобранной»

среди других, а автору – статус одного из «лучших стихотворцев российских».

Тем не менее в 1811 г. Пушкин выбыл из состава вкладчиков «Вестника Европы» и вернулся лишь в 1814-м, когда к руководству изданием пришел близкий ему и по взглядам, и по родственным связям В. В. Измайлов. Полагаем, что такому перерыву в сотрудничестве способствовала не только, а возможно, и не столько история с посланием 1810 г., сколько негативные отзывы на «маленькую тетрадку»[9] В. Л. Пушкина «О каруселях», оперативно напечатанные Каченовским в «Вестнике Европы» летом 1811 г.

Проза В. Л. Пушкина как «*PR*-сопровождение» московского каруселя 1811 г.

Оговоримся сразу, что слово «карусель» употребляется в брошюре В. Л. Пушкина «О каруселях» в мужском роде и представляется целесообразным сохранить эту традицию в нашей статье, хотя, например, в описательной и не вполне точной работе А. К. Ганулича сделан иной выбор (1997: 45). В книге Н. И. Михайловой пушкинское сочинение кратко охарактеризовано как «обстоятельный исторический очерк рыцарских турниров в Европе и России» с посвящением «благородному московскому обоего пола сословию» и перечислением участников «нынешнего каруселя» (2012: 130). С. И. Панов в словарной статье о В. Л. Пушкине закономерно был еще более лаконичен, но судил брошюру гораздо строже, включив в список «немногочисленных прозаических сочинений Пушкина», который, по замечанию П. А. Вяземского, «имел ум не писать прозою» (2007: 219). Шутливые слова Вяземского прозвучали в письме А. С. Пушкину от 24 августа 1831 г. (уже после смерти его дяди в 1830 г.) в связи с упреками роману М. Н. Загоскина «Рославлев» за бедность мысли[10]. Подобного греха действительно не избежали немногие прозаические опыты В. Л. Пушкина, в том числе «О каруселях». Однако полная оценка брошюры возможна лишь с учетом задачи, поставленной автором перед собой, и уровня развития выбранного им жанра.

Уже посвящение, напечатанное на титульном листе брошюры после заголовка «О каруселях», четко указывало на ее целевую аудиторию (слово «сословие» выделялось шрифтом почти того же

размера, что заголовок) и на принадлежность автора к «кавалерскому карусельному собранию», от имени которого он выступал. Злободневность новостной информации и одновременно желание зафиксировать рекламируемое событие в истории подчеркнуто вынесением на титул даты – 20 июня 1811 г., когда должен был состояться карусель, правда без указания времени его начала. Стремление выступить в роли «анонсера», проецирующего свою публикацию на «большое» будущее, проявилось в выборе эпиграфа: *Un jour, ces souvenirs auront pour nous des charmes* («Однажды эти воспоминания будут иметь очарование для нас»). Строка была заимствована из перевода «Энеиды» Вергилия, сделанного с латыни популярным тогда в России живым французским классиком Ж. Делилем.

Все это позволяет отнести прозаическую брошюру «О каруселях», напечатанную в известной московской типографии Н. С. Всеволожского, к прародителям того типа информационно-рекламных изданий, который современные специалисты в области *PR* и ивентологии относят к «раздаточному материалу», используемому для «*PR*-сопровождения» события (Чумиков, Бочаров, 2006: 214). Притом предназначалась «тетрадочка» для распространения, вероятно, не столько среди потенциальных участников проводимого московским «карусельным собранием» праздника-турнира в районе Нескучного сада, сколько среди уже собравшихся зрителей и конкурсантов – иначе трудно объяснить отсутствие данных и о времени его начала, и о планах его повторения (состоялось 25 июня).

Первую и бóльшую часть произведения (9 из 13 страниц) Пушкин посвятил краткому обозрению традиции турниров в Европе и России, что точно отвечало задаче репрезентации каруселя 1811 г. как события, имеющего древние корни в истории многих народов. Оно проникнуто патриотической патетикой и одновременно желанием расширить знания читателей об общих традициях жителей разных стран, но реализация этих целей грешила недостоверностью значительной части сообщаемой информации, поверхностностью многих характеристик и сумбурностью изложения. Так, стремясь уравнять европейцев и россиян в древности традиций благородного рыцарства и ссылаясь на «древние остатки народных богатырских песен и сказок» и летописи, автор утверждал: «Россия почти в то же самое время, как начались турниры в прочих европейских государствах, то есть в девятом веке, славилась также

своими храбрыми витязями и могущими богатырями»[11], участвовавшими в «играх и поединках»[12]. В дилетантском представлении Пушкина понятия «рыцарь», «витязь», «ратоборец», «богатырь» полностью синонимичны.

Мифологизация истории отличала многие высказывания автора: например, предположение Пушкина (в данном случае, правда, сохранялась осторожность в модальности формулировки), что «государь» Владимир Святославич – «первый учредитель рыцарского богатырского в России ордена»[13]. Древнерусским «странствующим рыцарям»[14] приписывались идеи, характерные для куртуазного европейского средневековья. Очень натянутым было включение в предысторию каруселей поединка летописного богатыря Яна Усмовича (в исторической литературе чаще фигурирует как Усмошвец), победившего «печенегского исполина» в конце X в. на берегах Трубежа[15]. Вместе с тем обращение к этому сюжету привлекало внимание патриотически настроенной аудитории к предстоящему событию. Да и безотносительно к рекламным целям подобные исторические экскурсы сторонника карамзинской «партии» могли способствовать преодолению монополизации темы древнерусских героических преданий шишковистами, которые трактовали историю тоже весьма вольно, но с другим пафосом.

В. Л. Пушкин небезосновательно подчеркнул, что высоко ценимый им «дух рыцарства», которому грозило исчезновение с прекращением рыцарских поединков во Франции в середине XVI в., отчасти сохранили «учрежденные потом карусели»[16]. Правда, попытка краткого сопоставления собственно карусельных практик в Европе и России оказалась слабой, прежде всего, из-за поверхностности характеристик и невыстроенности композиции, разного рода повторов (даже словесных). Малозанимательны несколько строк о «великолепнейшем» парижском каруселе Людовика XIV, о котором сказано лишь, что король любил «пышность и забавы» и возглавил «римскую кадрилию»[17]. Притом пушкинская датировка «конного балета» Короля Солнце неточна, а о том, что маскарадная и в то же время спортивная «забава» 1662 г. несла серьезную идеологическую функцию укрепления именно этого имиджевого «титула» правителя (Боссан, 2002: 99–102), автор, вероятно, и не догадывался.

Более содержательно описание «славнейшего из каруселей», который был дан в Петербурге в 1766 г. «при начале царствования

блаженной памяти Екатерины Великой»[18]. В данном фрагменте прослеживаются два основных мотива. Во-первых, что карусельное «увеселение»[19] российской монархини было едва ли не богаче организованного Людовиком и умно использовалось для прославления отечественного славяно-русского начала. На фоне упоминания о римском костюме французского короля так читались слова Пушкина: «Государыня была одета по-славянски. Она любила славу и народ русский»[20]. Не вполне ясно, правда, откуда Пушкин знал о костюме царицы. Современники отмечали, что на репетиции она возглавляла славянскую кадриль, однако «платья» еще не были готовы[21]. Обнаружить источники с описанием ее костюма во время «представления» 16 июня и его повторении 11 июля, когда Екатерина находилась в своей ложе в амфитеатре, пока не удалось.

Вторая важная для Пушкина тема, заметим, выделялась уже в газетных известиях о карусели 1766 г. как сочетавшем «полезное с приятным». Первые статьи о нем довольно оперативно появились в «Санкт-Петербургских ведомостях» и вскоре были перепечатаны в «Московских ведомостях»[22], а уже 21 июля сообщались подробности повторного представления[23]. Все авторы подчеркивали, что во время каруселей рыцарский дух продемонстрировали не только кавалеры, но и дамы, которые начали соревнования, находясь на колесницах, и это соединение полов в служении «любочестию» придавало особую ценность событию, достойному внимания «отдаленных потомков»[24]. Как убедительно показали современные исследователи, мотив амазонок вообще играл ключевую роль в тогдашнем екатерининском идеологическом дискурсе, в который четко вписывался и карусель 1766 г. (см., напр.: Проскурина, 2006: 9–56; Ивинский, 2013: 320–327). Пушкин эту установку уловил и воспроизвел в прозе 1811 г., опираясь, очевидно, непосредственно на газетные публикации, а на «Оду на великолепный карусель» В. П. Петрова[25], который основывался именно на газетах, не будучи очевидцем события.

Цитатам из этой оды в сочинении Пушкина предшествует ее представление: «Лирик Петров, известный по стихотворениям своим, поднес императрице оду, в которой он воспел рыцарские игры и блеск двора российского»[26]. Характеристика выглядит очень сдержанной на фоне того, что Пушкин и его аудитория не могли не знать о чрезвычайно позитивной реакции императрицы

на «поднесение» и о многочисленных полемических выпадах современников против неудачных стихов оды. Как и о том, что такую реакцию литературно-журнального мира резонно связывали с инициированным Екатериной провозглашением Петрова прямым наследником М. В. Ломоносова. В брошюре обо всем этом, как и о кардинальной стилистической редактуре оды Петровым для издания своих «Сочинений» в 1782 г., умалчивалось. Кстати, ее вторая редакция под заголовком «На карусель» и датой 1766 г. без какого-либо комментария об истории текста появилась и в посмертном переиздании «Сочинений» Петрова в 1811 г. (ценз. разрешение – 2 сент. 1811 г.), но оно вышло уже после пушкинской «тетрадки».

Пушкин начал цитирование оды с четвертой строфы, пропустив, в частности, строку «Я странный слышу рев музыки», высмеянную и А. П. Сумароковым, и неким анонимом в сатирическом журнале «Смесь» в 1769 г. (Кочеткова, 1972: 592). Однако этот пропуск едва ли обуславливался качеством стиха, ведь другие пародированные современниками строки в брошюре воспроизведены. Скорее, причина была в том, что Пушкин почему-то предпочел вообще обойти вопрос о музыкальном оформлении каруселя, о котором шла речь в пропущенной строке и сообщалось в газетах. Не вполне ясно, опечаткой ли объяснялось и то, что в строфе Петрова, посвященной русским амазонкам – участницам каруселя, определение «*природные* российски дщери»[27] превратилось в «*народныя* российски дщери»[28] (курсив наш. – *И.П., А.К.*).

Переходя от характеристики петербургского каруселя 1766 г. к анонсируемому московскому, Пушкин в духе времени обыграл мотив преемственности политики Екатерины II и Александра I, «шествующего во всем по ее стопам»[29]. Однако в целом информация о новом каруселе, составившая вторую, заметно меньшую по объему часть брошюры, подана исключительно формально. Из пяти страниц более четырех заняты перечислением учредителей и участников каруселя с поименной росписью назначенных кадрилей. На списке почетных членов карусельного собрания сочинение довольно неожиданно для читателя заканчивалось. Возможно, непривычная для Пушкина необходимость писать «к сроку» и общая неразработанность жанра не позволили «анонсеру» добиться большего.

Каченовский – журналист *vs* Пушкин – автор брошюры «О каруселях»

Пушкинское сочинение привлекло внимание «Вестника Европы» по горячим следам события. В очередном выпуске «Московских записок» в начале июля Каченовский сообщил об организованном в Москве 20 июня увеселении-турнире, прошедшем «достойно обширности, многолюдства и пышности древней столицы величайшей в свете империи». Отмечалось и то, что повторное представление 25 июня состоялось в день рождения великого князя Николая Павловича и преследовало благотворительную цель[30]. Одновременно Каченовский критически оценил «маленькую тетрадку» Пушкина «О каруселях», но вопрос о специфичности стоявших перед ее автором задач и жанровых особенностях сочинения поставлен не был. Зато читателям было обещано вернуться к истории турниров и рыцарства в следующем номере журнала. Завершалась заметка сведениями о каруселях в российских столицах, которые в сильно сокращенном виде повторяли сказанное Пушкиным, причем в этой связи его имя не упоминалось.

Через два номера Каченовский противопоставил 15-страничному рекламно-информационному изданию Пушкина почти равную по объему журнальную статью в отделе «Критика» под заглавием пушкинской брошюры и с подстрочным описанием ее выходных данных[31]. Нельзя не заметить иронии в его внешне благожелательном заявлении, обыгрывавшем пушкинский эпиграф из «Энеиды»: «Пускай оба наши (с Пушкиным. – *И.П., А.К.*) сочинения вместе идут в потомство: маловажные несходства не помешают их товариществу»[32]. Пушкинский франкоязычный эпиграф вызвал и прямой выпад критика, заявившего, что он хотел, но якобы не решился предпослать своей статье оригинальный стих древнеримского классика *Olim meminisse juvabit*. Так журналист-ученый не без изобретательности высмеивал галломанию Пушкина, а заодно и всех «дамских писателей» и «пишущих дам»[33], предпочитающих французский язык латыни. Однако с точки зрения релевантности эпиграфа для целевой аудитории пушкинской брошюры решение автора было тактически верным.

Объектом более справедливой иронии Каченовского стала претенциозная апелляция Пушкина к древним источникам, вместо того чтобы основываться хотя бы на недавней переводной статье Шатобриана «Образ жизни и нравы рыцарей» в «Вестнике Евро-

пы»[34]. Причем Каченовский походя упрекнул ее переводчика (неназванного В. А. Жуковского) в неверном написании фамилии Сен-Пале – французского историка и филолога второй половины XVIII в., часто упоминаемого в статье Шатобриана[35]. Такого рода мелкие уколы и выпады с цитированием и/или пересказом пушкинского текста, в том числе разработка уже сказанного ранее о «баснословии» Пушкина-историка относительно роли Цирцеи в зарождении каруселей, характерны для первой части статьи Каченовского. Вторую ее часть отличали содержательные исторические дополнения и уточнения. С опорой на авторитетные работы Тацита, Дюканжа, Сен-Пале и др. утверждалась ведущая роль германцев в развитии феномена рыцарства и турниров[36]. Причем этот экскурс в прошлое журналист сопроводил изящно насмешливым комментарием к пушкинскому утверждению о спорах французов, англичан и немцев о первенстве в «учреждении турниров»: «Сами не знают, о чем спорят»[37].

В последней части статьи (почти 20 процентов текста) критика распространилась на Пушкина-литератора, обвиненного Каченовским в якобы преднамеренном цитировании «худых» строф из карусельной оды «знаменитого» Петрова вместо «хороших»[38]. Для наглядности были приведены процитированный Пушкиным вариант строфы, начинающийся словами «Убором дорогим покрыты...» (1766), и ее вариант из «Сочинений» 1782 г., но без пояснения причин переработки текста Петровым. Неприятие Каченовским обращения Пушкина к стихам, созданным на злобу дня, свидетельствовало о предвзятости журналиста. Редактор «Вестника Европы» оказался готов пренебречь одним из принципов исторической словесности – избегать анахронизмов.

Отзвуки не забытой Каченовским с весны 1806 г. обиды на карамзинско-дмитриевскую партию слышны в «поучении» автору брошюры «О каруселях»: «Похвально уважать дарования живых писателей; но еще похвальнее отдавать справедливость песнопевцам умершим, за которых ходатайствуют единственно их заслуги и которым не помогают уже ни знатность, ни происки, ни знакомства, ни ласкатели»[39]. Пушкину и его неназванным единомышленникам был адресован упрек в том, что они не прощают другим вольностей в отношении сочинений Вольтера и Делиля, но сами не знают или не хотят «знать бессмертных стихов Петрова, чтобы дать простор модным своим басенькам и посланиям»[40]. Вероятно, последние слова метили и в недавно отвергнутое «Вестником Европы» анти-

шишковистское послание Пушкина. Ради борьбы с такого рода произведениями Каченовский позволил себе отклониться от карусельной темы и напомнить читателям о достоинствах других петровских од, «прославлявших победы Румянцова и Орлова»[41]. В целом предпринятая редактором «Вестника Европы» критика Пушкина за недооценку творчества Петрова в сочинении «О каруселях» представляется неадекватной, но ярко демонстрировавшей давние и все более усиливавшиеся расхождения между Каченовским и карамзинской партией.

«О каруселях» Пушкина и Каченовского в свете отзывов современников о карусели 1811 г.

В отличие от карусельных представлений 1766 г. оба каруселя 1811 г. получили весьма скромное освещение в периодике: лишь небольшая заметка появилась в «Московских ведомостях», правда еще до рассмотренных откликов «Вестника Европы»[42]. Судя по переписке и мемуарам принадлежавших к разным литературно-журнальным партиям К. Н. Батюшкова и С. Н. Глинки, они отнеслись к московскому каруселю довольно критически, притом никак не упоминали о публикациях В. Л. Пушкина и М. Т. Каченовского. Тем не менее для понимания контекста создания и функционирования этих текстов, да и упущенных возможностей при репрезентации праздника-турнира в печати, целесообразно учитывать высказывания о нем таких профессиональных литераторов, как Батюшков и Глинка.

Близкий кругу В. Л. Пушкина Батюшков еще 6 мая 1811 г. сообщил Н. И. Гнедичу о репетициях конного соревнования, в шутливом тоне отметив его травматичность: «Всякий день кому нос на сторону, кому зуб вон»[43]. В июле он поделился с тем же адресатом впечатлением о прошедшем мероприятии: «Карусель был очень богат и довольно неинтересен»[44]. Если на возможность травм и «богатство» представлений писавшие о них обращали внимание традиционно, то констатация их «неинтересности» – новое в карусельном нарративе. Критический подход к московскому каруселю отразился и в не опубликованной при жизни Батюшкова статье «Прогулка по Москве», создававшейся во второй половине 1811 г. в жанре сатирико-нравоучительного эссе. Недовольный Москвой, писатель укорял москвичей за поглощенность скукой, толкающей к постоянным поискам разного рода развлечений. Отсюда еще

один новый акцент в суждении о карусели, «который стоил столько издержек»: «родился от скуки»[45]. Возможно, к такой системе координат Батюшкова подтолкнуло знакомство с «Мыслями» Паскаля, который писал о стремлении к «развлечению» как о боязни «скуки», заставляющей задавать себе трудные вопросы о смысле бытия[46]. Подобный философско-психологический взгляд на природу каруселя остался вне поля зрения Пушкина (хотя о Паскале он помнил: его имя прозвучало в послании Жуковскому 1810 г.) и Каченовского в рассмотренных публикациях, что вполне естественно в силу поставленных их авторами задач.

С. Н. Глинка, проигнорировавший праздник-турнир 1811 г. в издававшемся им тогда в Москве журнале «Русский вестник», в позднейших мемуарах довольно лаконично отозвался о каруселе и последовавшем за ним благотворительном обеде, уточнив, что он давался для бедных «отставных воинов». По его мнению, оба события «не возбудили особого внимания», поскольку общество не поняло «намеков» на приближающуюся грозу 1812 г.[47] Пушкин и Каченовский действительно не писали о предощущении великой войны, хотя в карусельном нарративе обоих так или иначе присутствовала тема пользы турниров для поддержания готовности к военным сражениям.

Выводы

В целом анализ взаимоотношений В. Л. Пушкина и «Вестника Европы» в 1810–1811 гг. подтверждает предположение, что общее решение М. Т. Каченовского и В. А. Жуковского отказаться от публикации пушкинского антишишковистского послания «К В. А. Жуковскому» (несмотря на обострившиеся осенью 1810 г. разногласия между ними как соредакторами журнала) и скорое помещение этого острого полемического произведения в «Цветнике» открыли перед москвичом Пушкиным новые перспективы сотрудничества с петербургской периодикой. Притом Жуковский в 1811 г. поддержал близкого ему по «партии» Пушкина перепечаткой ранее отвергнутого послания в московской антологии журнальных поэтических публикаций. Каченовский, напротив, оставшись единственным редактором «Вестника Европы», способствовал перемене журнальной локализации Пушкина, дважды выступив в московском журнале с негативными отзывами о его брошюре «О каруселях». В то же время эти первые развернутые печатные отклики на творчество Пушкина

превратили многолетнего вкладчика издания в «героя» его публикаций, что всегда способствует известности автора, даже если несет репутационные риски.

Данные журнальные выступления Каченовского и вызвавшее их информационно-рекламное издание Пушкина не могут быть оценены однозначно. С одной стороны, пушкинская дилетантская мифологизация истории с претензией на владение летописными и фольклорными источниками обоснованно критиковалась журналистом-ученым, одним из «отцов» зарождавшейся тогда в стране скептической исторической школы. С другой стороны, малоубедительны выпады Каченовского в связи с пушкинской презентацией оды В. П. Петрова «На карусель» 1766 г., продемонстрировавшие тенденциозность редактора «Вестника Европы» в борьбе с Пушкиным как представителем карамзинской «партии» в целом. Обращает на себя внимание и то, что Каченовский не смог и/или не захотел разобраться в жанровой новизне сочинения Пушкина, которое должно было сочетать просветительские и рекламные функции при *PR*-сопровождении отнюдь не литературного события. Правда, это не стало предметом рефлексии и самого «анонсера» московского каруселя. Показательны также результаты сопоставления публикаций Пушкина и Каченовского с высказываниями об этом событии К. Н. Батюшкова и С. Н. Глинки в текстах разных лет и жанров, которые выявили упущенные первыми двумя авторами возможности при репрезентации каруселя 1811 г. в печати.

Таким образом, анализ взаимоотношений В. Л. Пушкина и «Вестника Европы» в самом начале 1810-х гг. обнажает ряд особенностей в развитии русской литературы и журналистики того времени, которые обуславливались как наследием предшествующих «партийных» и межличностных столкновений на поле «срочной» словесности, так и новыми вызовами для всех участников литературно-журнального процесса, включая необходимость реагировать на запросы не только просветительской, но и информационно-рекламной деятельности.

Примечания

[1] Вестник Европы. 1817. № 6. С. 100.
[2] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 15. М.: ИД ЯСК., 2019. С. 92.
[3] Там же.

[4] *Пушкин В. Л.* Стихотворения. СПб.: Гиперион, 2005. С. 73.

5 Ср. статьи Каченовского в «Вестнике Европе» 1807 (№ 8. С. 283–306), 1810 (№ 19. С. 220–227), 1811 (№ 12. С. 285–305; № 13. С. 34–57) гг.

[6] Цветник. 1810. № 12. С. 357–363.

[7] Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских из многих русских журналов: [В 6 ч.] Ч. 4. М., 1811. С. 170–173.

[8] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем... С. 124.

[9] Вестник Европы. 1811. № 16. С. 289.

[10] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 14. С. 214.

[11] *Пушкин В. Л.* О каруселях. М., 1811. С. 5 (в октябре 1893 г. в Санкт-Петербурге под редакцией В. И. Саитова были переизданы сочинения В. Л. Пушкина, включая данное).

[12] Там же. С. 4.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] Там же. С. 6.

[17] Там же. С. 6–7.

[18] Там же. С. 7.

[19] Там же. С. 10.

[20] Там же. С. 7.

[21] *Порошин С. А.* Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича // Русский архив. 1869. Кн. 1. Стб. 60.

[22] Санкт-Петербургские ведомости. 1766. № 51. Июнь, 27. С. 1–3; Там же. Прибавление. С. 1-11; Московские ведомости. 1766. № 54. Июль, 7. С. 1–2; Там же. Прибавление. С. 1–8.

[23] Санкт-Петербургские ведомости. Прибавление. 1766. № 58. С. 1–4.

[24] Санкт-Петербургские ведомости. № 51. С. 3.

[25] Поэты XVIII века: в 2 т. Т. 1. Л.: Сов. писатель, 1972. С. 326–332.

[26] *Пушкин В. Л.* О каруселях... С. 8.

[27] Поэты XVIII века... С. 327.

[28] *Пушкин В. Л.* О каруселях... С. 8.

[29] Там же. С. 10.

[30] Вестник Европы. 1811. № 13. С. 34–57.

[31] Там же. № 16. С. 288–304.

[32] Там же. С. 290.

[33] Там же.

[34] Там же. 1810. № 20. С. 249–266.

[35] Там же. 1811. № 16. С. 290.

[36] Там же. С. 293–298.

[37] Там же. С. 292; 300.

[38] Там же. С. 301.

[39] Там же.

[40] Там же. С. 304.

[41] Там же. С. 303.

[42] Московские ведомости. 1811. № 51. Июнь, 28. С. 1401. Правда, еще «вкладыш» к номеру от 10 мая содержал объявление о том, что «с дозволения» начальства «заводится благородный карусель» у Калужской заставы и все желающие получить «подряд» на его обустройство приглашаются на «торги».

[43] *Батюшков К. Н.* Соч.: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. С. 167.

[44] Там же. С. 176.

[45] Там же. Т. 1. С. 294.

[46] *Паскаль Б.* Мысли. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. С. 260.
[47] *Глинка С. Н.* Записки. М.: Захаров, 2004. С. 297.

Библиография

Альтшуллер М. Г. Примечания // Поэты 1790-1810-х годов. Л.: Советский писатель, 1971. С. 863–871.

Боссан Ф. Людовик XIV, король-артист. М.: Аграф, 2002.

Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // XVIII век. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л.: Гуманитарное агентство «Академический проект». 1989. С. 139–170.

Велижев М. Б. «Вестник Европы» в литературной и общественной жизни второй половины 1800-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.

Ганулич А. К. Пушкин и московская карусель 1811 года // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: к 850-летию Москвы и 225-летию со дня рождения Московского генерал-губернатора, Светлейшего князя Дмитрия Владимировича Голицына. Большие Вяземы, 1997. Ч. III. С. 45–54.

Евдошенко Ю. В. М. Т. Каченовский в общественно-идейной жизни России первой трети XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

Зыкова Г. В. Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805-1830 гг.): Разночинцы в эпоху дворянской культуры. М.: Диалог-МГУ, 1998.

Ивинский А. Д. В. П. Петров и «Великолепная карусель» 1766 г. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 4 (42). С. 320–327.

Иезуитова Р. В. Из неизданной переписки В. А. Жуковского // Ежегодник РО ПД на 1979. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. С. 80–112.

Киселев В. С. Эволюция коммуникативно-повествовательной структуры «Вестника Европы» // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2012. № 1 (17). С. 61–73.

Кочеткова Н. Д. Примечания // Поэты XVIII века: в 2 т. Т. 1. Л.: Советский писатель, 1972. С. 590–592.

Лотман Ю. М. Поэзия 1790-1810-х годов // Поэты 1790-1810-х годов. Л.: Советский писатель, 1971. С. 5–62.

Михайлова Н. И. Василий Львович Пушкин. М.: Молодая гвардия, 2012.

Михайлова Н. И. Письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1983. Т. 11. С. 213–249.

Панов С. И. Пушкин Василий Львович // Русские писатели. 1800–1917: биограф. словарь. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 2007. С. 218–223.

Панов С. И. «Смиренный стихотворец» // Пушкин В. Л. Стихотворения. СПб.: Гиперион, 2005. С. 3–22.

Проскурина В. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Чумиков А. Н., Бочаров М. П. Связи с общественностью: теория и практика: учеб. пособие. М.: Дело, 2006.

Notes

Batyushkov K. N. (1989) Soch.: V 2-kh t. T. 2 [Works in 2 vol. Vol. 2]. Moscow: Khudozh. lit. Publ. P. 167.

Glinka S. N. (2004) *Zapiski* [Memoirs]. Moscow: Zaharov Publ. P. 297.

Moskovskie vedomosti (1766) No 54: 1–2; (1811) No 51, 28 June: 1401; Moskovskie vedomosti. Pribavlenie (1766) No 54: 1–8.

Paskal' B. (1995) *Mysli* [Thoughts]. Moscow: Izd-vo imeni Sabashnikovyh Publ. P. 260.

Poety XVIII veka: V 2 t. T. 1 [Poets of the 18th century: in 2 volumes. Vol. 1] (1972) Leningrad: Sov. pisatel' Publ. Pp. 326–332.

Poroshin S. A. (1869) Sto tri dnya iz detskoy zhizni imperatora Pavla Petrovicha [One hundred and three days from the childhood life of Emperor Pavel Petrovich]. In *Russkiy arkhiv. No. 1. Stb. 60* [Russian Archive].

Pushkin A. S. (1941) *Poln. sobr. soch.: V 16 t. T. 14* [Complete Works: in 16 vol. Vol. 14]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ. P. 214.

Pushkin V. L. (1811) *O karuselyakh* [About Carousels]. Moscow. Pp. 4–10.

Pushkin V. L. (2005) *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg: Hyperion Publ. Pp. 72–74.

Sankt-Peterburgskie vedomosti (1766) No 51, 27 June: 1–3; *Sankt-Peterburgskie vedomosti. Pribavlenie* (1766) No 51: 1–11; No 58: 1–4.

Sobranie russkikh stikhotvoreniy, vzyatykh iz sochineniy luchshikh stikhotvortsev rossiyskikh iz mnogikh russkikh zhurnalov: V 6 ch. Ch. 4 (1811) [A collection of the best Russian poets' works from many Russian magazines: in 6 parts. Part 4]. Moscow. Pp. 170–176.

Tsvetnik [Flower Garden] (1810) No 12: 357–363.

Vestnik Evropy (1807) No 8: 283–306; (1810) No 19: 220–227; No. 20: 249–266; (1811) No 12: 285–305; No 13: 34–57; No 16: 288–304; (1817) No 6: 100.

Zhukovskiy V. A. (2019) *Poln. sobr. soch. i pisem: in 20 vol. T. 15* [A complete collection of works and letters: in 20 volumes. Vol. 15]. Moscow: ID YaSK Publ.

References

Al'tshuller M. G. (1971) Primechaniya [Notes]. In *Poety 1790–1810-kh godov* [Poets of the 1790s–1810s]. Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ. Pp. 863–871. (In Russian)

Bossan F. (2002) *Lyudovik XIV, korol'-artist* [Louis XIV, the Artist and the King]. Moscow: Agraf Publ. (In Russian)

Chumikov A. N., Bocharov M. P. (2006) *Svyazi s obshchestvennost'yu: teoriya i praktika. Ucheb. posobie* [Public Relations: Theory and Practice: A Study Guide]. Moscow: Delo Publ. (In Russian)

Evdoshenko Ju. V. (2001) *Kachenovskiy v obshchestvenno-ideynoy zhizni Rossii pervoy treti XIX v.:* avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. [M. T. Kachenovsky in the Social and Ideological Life of Russia in the First Third of the 19th Century: extended abstract of PhD hist. sci. diss.] Moscow. (In Russian)

Iezuitova R. V. (1981) Iz neizdannoy perepiski V. A. Zhukovskogo [From the Unpublished Correspondence of V. A. Zhukovsky]. In *Ezhegodnik RO PD na 1979* [Yearbook of the Manuscript Department of Pushkin House for 1979]. Leningrad: Nauka Publ. Pp. 80–112. (In Russian)

Ivinskiy A. D. (2013) V. P. Petrov i «Velikolepnaya karusel'» 1766 g. [V. P. Petrov and "Splendid Carousel" (1766)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 4 (42): 320–327. (In Russian)

Ganulich A. K. (1997) Pushkin i moskovskaya karusel' 1811 goda [Pushkin and the Moscow Carousel of 1811]. In *Khozyaeva i gosti usad'by Vyazemy: k 850-letiyu Moskvy i 225-letiyu so dnya rozhdeniya Moskovskogo general-gubernatora, Svetleyshego knyazya Dmitriya Vladimirovicha Golitsyna. Bol'shie Vyazemy. Ch. III* [The Owners and Guests of the Vyazema Estate: to the 850th Anniversary of Moscow and the 225th Anniversary of the Birth of Moscow Governor-General, His Serene Highness Prince Dmitry Vladimirovich Golitsyn. Part 3]. Pp. 45–54. (In Russian)

Kiselev V. S. (2012) Evolyutsiya kommunikativno-povestvovatel'noy struktury «Vestnika Evropy» [Evolution of the Communicative and Narrative Structure of Vestnik Evropy]. *Vestn. Tomsk. gos. un-ta. Filologiya* 1 (17): 61–73. (In Russian)

Kochetkova N. D. (1972) Primechaniya [Notes]. In *Poety XVIII veka: V 2 t. T. 1* [Poets of the 18th Century: in 2 volumes. Vol. 1]. Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ. Pp. 590–592. (In Russian)

Lotman Yu. M. (1971) Poeziya 1790–1810-kh godov [Poetry of the 1790s–1810s]. In *Poety 1790–1810-kh godov* [Poets of the 1790s–1810s]. Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ. Pp. 5–62. (In Russian)

Mikhaylova N. I. (1983) Pis'ma V. L. Pushkina k P. A. Vyazemskomu [Letters of V. L. Pushkin to P. A. Vyazemsky]. In *Pushkin: Issledovaniya i materialy. T. 11* [Pushkin: Studies and Materials. Vol. 11]. Leningrad: Nauka. Leningr. Otd. Publ. Pp. 213–249. (In Russian)

Mikhaylova N. I. (2012) *Vasiliy L'vovich Pushkin* [Vasily Lvovich Pushkin]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (In Russian)

Panov S. I. (2007) Pushkin Vasiliy L'vovich [Pushkin Vasily Lvovich]. In *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograf. slovar'. T. 5* [Russian writers. 1800–1917: Biographical Dictionary. Vol. 5]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ. Pp. 218–223. (In Russian)

Panov S. I. (2005) «Smirennyy stikhotvorets» ["The Modest Poet"]. In *Pushkin V. L. Stikhotvoreniya* [Pushkin V. L. Poems]. St. Petersburg: Giperion Publ. Pp. 3–22. (In Russian)

Proskurina V. (2006) *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [Myths of the Empire. Literature and Power in the Era of Catherine II]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)

Vacuro V. Je. (1989) I. I. Dmitriev v literaturnykh polemikakh nachala XIX veka []. In *XVIII vek. Sb. 16: Itogi i problemy izucheniya russkoy literatury XVIII veka* [The 18th century: sat. 16: Results and problems of studying Russian

literature of the 18th century.]. Leningrad: Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskiy proekt» Publ. Pp. 139–170. (In Russian)

Velizhev M. B. (2004) «*Vestnik Evropy*» v *literaturnoy i obshchestvennoy zhizni vtoroy poloviny 1800-kh gg.:* dis. ... kand. filol. nauk. [«Bulletin of Europe» in the literary and social life of the second half of the 1800s: dissertation of the Candidate of Philology] Moscow. (In Russian)

Zykova G. V. (1998) *Zhurnal Moskovskogo universiteta «Vestnik Evropy»* (1805–1830 *gg.): Raznochintsy v epokhu dvoryanskoy kul›tury* [Magazine of Moscow University «Bulletin of Europe» (1805-1830): Raznochintsy in the era of noble culture]. Moscow: Dialog-MSU Publ. (In Russian)

Поступила в редакцию
15.05.2023